

ГОРОД ЧУДЕС- ТОМБУКТУ

ЗОЯ КИРНОЗЕ
Кандидат филологических наук

СЕГОДНЯ наши смелые «АН-2» возят из столицы Мали в Сахару геологическое оборудование и советских специалистов, которые ищут в пустыне полезные ископаемые, столь необходимые молодой республике. Советские пилоты делают и постоянные рейсы к воротам Сахары. Так называют в Мали Томбукту — старейший культурный и торговый центр Западной Африки.

Томбукту мы посетили в апреле, отпустив своих учеников на положенные им весенние каникулы. Апрель — самый жаркий месяц Западной Африки. Это чувствуется везде: и в столице Мали Бамако, и в полете, и на аэродроме Томбукту, расположенном довольно далеко от города. Самолет снижается на дорожку прямо в песках. Единственная тень — та, которую дает он сам. Пассажиры, измученные и побледневшие от зноя и качки, в ожидании автобуса сиротливо, как цыплята, жмутся под его крыло. В дороге все внимательно присмотрелись друг к другу. Сейчас здесь нет богатых туристов. В апреле в Томбукту с познавательными целями едут только энтузиасты, большей частью иностранцы — преподаватели малийских колледжей: молодая чета англичан, худой, подвижный француз с женой и маленькой собачонкой, отчаянно рвущейся на волю из плетеной корзинки, две немолодые мадемуазели, двое русских и державшийся в стороне пожилой американец с военной выправкой. Англичанка еще в самолете сообщила нам, что у них в Англии в школе преподавали русский язык.

В отличие от белых малийские пассажиры не проявляют признаков нетерпения. Один, в праздничной одежде, широком шерстяном бубу¹ и украшен-

ной золотым позументом бархатной феске, неторопливо и почти торжественно прогуливается по залитой солнцем летной дорожке. Другой, крестьянин, спокойно сидит у самолета, скрестив ноги, и поправляет завязки мешков, очевидно, с городскими покупками. Для нас давно уже не новинка ни национальные костюмы, ни олимпийское спокойствие местных жителей. Удивительное начинается позже.

Глядя из открытого автобуса по сторонам полуослепшими, покрасневшими глазами, мы были потрясены и покорены светом. Свет... Нигде, никогда мы не видели ничего подобного. У себя дома мы привыкаем к дневному освещению и почти не замечаем его, как не замечаем воздуха, которым дышим. В Томбукту свет мощный, ликующий, яростный. Он льется сверху расплавленными золотыми потоками. Предметы, люди, деревья, их очертания приобретают в нем невиданную нами четкость: светло-желтое и черное, свет и тени. Никаких полутонов, никаких намеков — резкий и смелый рисунок гравиюры. Вот куда ехать художникам!

Потом появились люди: почти голые мальчишки на ослах. Они громко кричали и скалили зубы, как наши подростки, возвращающиеся с реки. И все же их необычная поза — ноги на одну сторону, — золотистые тела, ветки, которыми они погоняли осликов, — все дышало чем-то не нашим, южным и очень древним, библейским, напоминающим изображения отроков в музеях на старинных иконах. И совсем не иконописно у въезда в город в пейзаж вписался строгий обелиск — память тем, кто погиб за свободу родной земли, и предостережение колонизаторам, которые уже видели эти места своей вотиной.

С нетерпением переждав в отеле жару, отправляемся в город. Вездесущие мальчишки встречают

¹ Бубу — мужская одежда типа халата.

нас уже у выхода, предлагают показать мечети, рынок, форт. На порогах сидят женщины. Быстрыми, ловкими пальцами они крутят на блюдах коротенькую лапу, занимаются рукоделием — нижут из бисера удивительной красоты браслеты и ожерелья — или судачат с забежавшими соседками. На узких улочках слышны постукивания молота о наковальню: где-то в закрытых внутренних двориках кузнецы продолжают древнее ремесло предков. Здесь знают толк в искусстве художественнойковки. Как в русском Поволжье хозяева излавна гордились красотой деревянной резьбы на избе, так в Томбукту показывают приезжим украшенные кованым орнаментом и медными шляпками гвоздей входные двери. Есть среди них действительно уникальные.

В Томбукту еще не построили музея. Искусство здесь подлинно народное, не отделимое от трудовой жизни.

На шумном базаре, поражающем южной роскошью красок, до сих пор находят спрос охотничьи копья и орнаментированные мечи. Продавцы предлагают хитрые кошельки, кисеты, сандалии и даже хлопучки для мух из цветной, искусно украшенной кожи; яркие, как самоцветные камушки, керамические бусы, на которые засмотрелись бы и европейские модницы; браслеты и ожерелья из воска и золотистой соломки, столь тонкой работы, что их называют золотом Томбукту; широченные конусообразные шляпы с кожаной аппликацией и еще много разных предметов и домашней утвари, отмеченных талантом народных художников.

В сумерки Томбукту исполнен особого очарования. Усиливается колдовство света. Теперь, трепетный и таинственный, он льется откуда-то снизу, с жемчужно-серого песка, застывшего на площадях маленькими всплесками. Это очень похоже на подсвечивание в театре. И все вместе — на декорации старых испанских пьес. Не зря покоится в этой земле прах севильского зодчего. Архитектура Томбукту совсем другая, чем в городах Тропической Африки. Там квадратные или круглые одноэтажные жилища с конусообразной крышей, вечерняя жизнь семьи, вынесенная на улицу: готовят пищу, отдыхают на циновках, курят и ведут мужские беседы. Здесь каре улиц и площадей, каре светлого, зеленоватого неба. На верхних двориках неожиданно появляются и застывают фигуры молящихся. За полуприкрытым ставнями окном второго этажа смутно вырисовывается молодое женское лицо. Однако быт в Томбукту разный, многих национальностей.

Арабы ведут жизнь наиболее скрытую от посторонних взоров; их женщины скользят по улицам, прикрыв лица чадрой. Мужчины заняты торговлей и огородничеством. Туареги кочуют с верблюдами в Сахаре. Их жены и дети делят с ними трудности и превратности скитальческой жизни. В Томбукту главы семей появляются в подобающем мужчине наряде воина и охотника: сверкающее копье, короткий меч в ножнах из красной кожи, гроздь амулетов на шее. Туареги изумительно красивый народ: с пронзительным взглядом чуть раскосых глаз, копной вьющихся волос над светлым лицом и величественной, царственной осанкой. По улицам они не ходят, а проплывают, складки широких белых или синих плащей почти скульптурно падают вокруг их тонких, гибких фигур. И женщины туарегов, напоминающие изящных африканских косуль, тоже пленительно хороши.

Сонраи, малинке и другие народности, обитающие в этом районе, занимаются ремеслами и зем-

леделием. Благодаря воде, которая пришла в Томбукту по каналу, орошаемой земли стало значительно больше. Вдоль берегов канала до самого Нигера протянулись рисовые поля, огороды, посадки финиковых пальм.

Для охотника район Томбукту — земля обетованная. На рисовых полях около Нигера зимой черным-черно от уток. Наши серые кряквы улетают зимовать в те края. Одним выстрелом их убивают до шести штук, а за охоту — пятьдесят, шестьдесят. В округе водятся дикие козы, львы, пантеры и гиппопотамы. К счастью для зверей, местные охотники пользуются копьями и дротиками, борьба человека со зверем ведется честно: побеждает тот, кто оказывается смелее, быстрее, ловчее. Иначе животный мир был бы хищнически истреблен очень быстро. Даже лев не может соперничать с автомашиной-вездеходом богатого туриста-охотника, а уж трепетное сердце косули не идет ни в какое сравнение с мотором.

Мы останавливались в маленькой рыбацкой деревушке, насквозь пропитанной запахом рыбы. На светлом песке сушились сети, ползали у воды голые малыши, матери полоскали белье. У берега стайкой плавали пироги. В одной из них мы и отправились вверх по течению мимо любопытных птиц, усевшихся на береговых уступах плотными рядами, как зрители в театре. За трехчасовое путешествие в лодку напрыгало с десятков рыб. Лодочники без удивления ловили их на дне лодки и складывали под рогожу. В сухой сезон Нигер кишмя кишит рыбой. Есть места, где ее берут руками.

Вдали показалось стадо бегемотов. Оказывается, бегемоты бывают разной окраски, как лошади. Рассерженные, они проявляют такую ярость, что могут затоптать. Охотиться на них нужно со специальными ружьями, поэтому лодочники повернули назад и заработали быстрее.

Пирог управляется длинными шестами. Гребцов обычно двое. Лодочники — главная транспортная сила на Нигере в сухой сезон, хотя труд их, как и всякий ручной труд, оплачивается низко.

Наземный транспорт обеспечивают погонщики верблюдов. Караваны верблюдов отправляются из Томбукту далеко через пустыню, на соляные копи. Сейчас соль уже не уравнивают на весах с золотыми слитками. Но она все же дорога в Мали. А дальше к югу, во влажных лесах экваториальной зоны, соль по-прежнему — огромная ценность, продукт, без которого мучаются и болеют целые племена.

Караван выходит торжественно. Сосредоточенно двигаются туареги, закрыв рот и нос платком, — так легче дышать, меньше пыли. Между горбами верблюдов покачиваются бурдюки с водой. Часть из них зарывают в песок на пути за солью, чтобы на обратной дороге, когда верблюды будут нагружены, найти воду для питья людям и животным. Иногда поднимаются песчаные бури, отыскать тайники не так просто. Но туареги знают Сахару. Рассказывают, что среди поводырей есть слепые старики. Мы видели десятилетнего мальчишка, который уже несколько раз водил караваны. Наше молчаливое восхищение его искренне рассмешило. «Как найти дорогу в пустыне? Но ведь она такая неодинаковая, как и это», — он показал рукой на домики окраины, за которыми начиналась Сахара: низкие колючие кусты, зацепившиеся в желтых дюнах песка, мелкого, как пудра. Вероятно, в юном вожатом говорило и мальчишеское тщеславие.

Не случайно радуются в Томбукту благополучному возвращению каравана. Гордой поступью вы-

шагируют, позванивая бубенцами, верблюды. Плиты соли, твердой и искрящейся, как стекло, висят на их потертых боках. (В Сахаре добывают соль, высекая плиты с квадратный метр.) Все население города бросает свои занятия, в сосудах из тыквы и глиняных кувшинах наперебой несут путникам воду. А вечером, когда верблюды улеглись на покой прямо на берегу канала, в узких улочках звучит музыка, в домах готовят излюбленный напиток — зеленый арабский чай. Смех, протяжные мелодии арабских музыкантов, умопомрачительный ритм тамтама — все свидетельствует, что в городе праздник.

Еще труден быт жителей Томбукту. Здешние крестьяне никогда не видели трактора. Да и как сесть за руль трактора или автомобиля человеку, абсолютно неграмотному, чьи руки привыкли с детства к древку мотыги, отполированному еще ладонями отцов. Сколько поколений охотников, погонщиков, рыбаков и ремесленников никогда не держали карандаша!

Французские «цивилизаторы» после долгих десятилетий господства не открыли в Мали ни одного высшего учебного заведения, ни одного медицинского училища.

Сейчас в Томбукту работают три школы, в которых обучаются почти все мальчишки города (девочек учат реже). Самая большая школа — медреса на 420 человек. Учатся дети на арабском и французском языках. (Местные языки не имеют письменности.) Новым является и то, что среди преподавателей нет европейцев. Большинство их — молодые ребята, только что окончившие педагогический колледж Малийской республики. В классах введен принцип самообслуживания. Чисто, прохладно. На стенах «фрески» — самые неожиданные: флаги Мали, Ганы, Гвинеи и рядом нарисованные неверной детской рукой кролик, страус, мальчик, солнце на голубом небе.

В школе есть органы самоуправления — комитет учеников, во главе которого стоят избранные общим собранием президент и вице-президент. Комитет занимается всеми внутренними делами школы: поведением учеников, порядком в помещении, работой столовой. Он принимает решения, на которые директор может дважды наложить «вето». Но если директор не сумел убедить школьников и решение принято в третий раз, глава школы уже бессилен.

Мы попали в школу во время каникул. Однако директор, встретив во дворе «вице-президента» и о чем-то пошептавшись с ним, удовлетворенно объявляет, что вечером мы сможем посмотреть представление.

По-нашему это называлось бы концертом художественной самодеятельности. Маленькие африканцы показали нам сначала арабские танцы, затем «театр». Автор стоит тут же и смущенно раскланивается. Потом ребяташки разошлись и очень напомнили наших шалунов. Директор с гордостью представил нам одного, очень маленького и подвижного, и с уверенностью предсказал ему судьбу настоящего артиста: «Вы сами видели, это наш первый комик. А вон тот, в синем бубу, один из трех лучших учеников, которых мы ежегодно премируем двухнедельной поездкой в арабские страны. Ученики должны видеть мир, чтобы понимать, как много еще им следует постигать». Говоря о детях, толстый темноволосый директор даже как-то весь посветлел и помолодел. И мы почувствовали: в нем есть главное для учителя — своих питомцев он любит. И мы тоже поверили и в будущего актера, и в будущего ученого. В городе чудес с большим прошлым должно быть большое будущее.

КНИГИ
ПО КУЛЬТУРЕ
АФРИКИ

«Поэты Мали». Сборник стихов. Перевод с французского, М., издательство «Прогресс», 1965, 120 стр.

Такой сборник малийской поэзии издается впервые. В нем не только стихи поэтов, завоевавших известность у себя на родине: Мамаду Голого, Гауссу Диавары, Альбакая Усмана, — но и произведения молодых авторов — учителей, рабочих, солдат, участников самодеятельных кружков.

Стихи высокого гражданского звучания чередуются с образцами интимной лирики. Для всего сборника характерно жизнеутверждающее, радостное восприятие мира, искренний патриотический пафос.

*Мали! Качайся гордо, колыбель
грядущих африканских революций!
Мали! Пылай над черным континентом,
багровый факел! Торжествуй, Мали!*

— пишет молодой поэт Гауссу Диавара.

Сборник перевела группа советских поэтов, давно и успешно работающих над переводами африканской поэзии: Самуил Болотин, Морис Ваксмахер, Сергей Северцев и другие.